

А. Н. Мещеряков

Статья посвящена интерпретации японской природы в книге Сига Сигэтака «Нихон фукэй рон» («Японский ландшафт», 1894). В этой работе Сига обосновывал положение, что природа Японии является самой красивой в мире. Книга имела огромный успех, а идеи автора относительно красоты японской природы внесли существенный вклад в процесс самоидентификации японской нации.

Ключевые слова: период Мэйдзи, Сига Сигэтака, «Нихон фукэй рон» Утимура Кандзо, «Гидзин рон», природа, ландшафт, горы, Фудзи, эстетика, национальная идентичность.

После свержения сёгуната Токугава и открытия Японии в середине XIX в. все рукотворные продукты деятельности японца стали подвергаться в стране невозддержанной самокритике, однако японская природа счастливо избежала этой незавидной участи. Европейцы сыграли здесь большую роль: находясь в плену своих европоцентристских убеждений, многие (почти все) осуждали «нецивилизованные», отдающие «темным» средневековым японские порядки, но мало тронутая человеком «дикая» природа этой страны производила на них сильное впечатление. В самой же Европе нетронутых человеком ландшафтов становилось все меньше.

Из уст европейцев наибольших похвал удостоивалась, безусловно, гора Фудзи¹. Но не только она. Многие европейцы восторженно отзывались и о растительном мире Японии. В особенности их поражали цветы. Обилие неизвестных на их родине растений усиливало впечатление богатства японской флоры. После открытия Японии в эту страну зачастили и профессиональные ботаники, которые тоже открыто выражали свой восторг – ведь в Японии произрастало множество эндемиков. И теперь ботаники получили возможность присваивать им латинские имена. Что может быть привлекательнее для ученого человека? В этих латинских названиях часто фигурировало определение “Nipponica”. А что льстило японской земле, то льстило и самим японцам.

Российский ботаник К. И. Максимович приступил к коллекционированию и описанию японской флоры еще в 1853 г., когда он находился в составе русской эскадры, посетившей Японию. Впоследствии его коллекция разрослась, образцы растений он высылал во многие научные европейские центры. Показательна оценка его работы, данная в 1927 г.

¹ См. подробнее: Мещеряков А. Н. Гора Фудзи: между землей и небом. М.: Наталис, 2010, с. 151–176.

японским ученым Танака Тоёсабуро: «Отдавая дань его публикациям, японцы приветствовали экспедицию Максимовича, которая открыла глаза на наш великолепный растительный мир... Не будет преувеличением сказать, что Япония впервые стала известна культурному миру всех стран благодаря этой обширной коллекции, разосланной по всему свету...»². Таким образом, и много лет спустя после «открытия» Японии ученый полагал, что природа имела огромное значение для формирования благоприятного имиджа страны в мире.

В 1860–1861 гг. англичанин Роберт Форчун (Fortune, 1812–1880) дважды побывал в Японии по заданию ботанического сада для сбора коллекции растений. Его поразило, что даже в крошечных садах, расположенных перед домами простолюдинов, растет множество разнообразных цветов. Он восклицал: «Если признать, что национальный характер, обуславливающий любовь к цветам, может служить мерилем развитости культурной жизни, то японские представители нижних классов намного превосходят таковых в Англии»³.

Русские наблюдатели не отставали от западных. Скептически относясь к тесным и малопривлекательным, с их точки зрения, в архитектурном отношении японским городам, они не уставали восхищаться нерукотворными ландшафтами. Популярное издание отмечало: «На ясном чистом небе отчетливо выступают все очертания острова с его крутыми, волнистыми берегами, покрытыми густой зеленью. Высокие горы, ущелья, долины, спускающиеся к берегу моря террасы – все это очень красиво... Все эти растения, несмотря на ноябрь месяц, еще в полном цвету и свободно растут под лучами теплого южного солнца. Красивые, осанистые камелии, прелестные, точно выточенные чайные розы, воздушный златоцвет приветливо кивают нам своими белыми, розовыми, палевыми, ярко-красными, желтыми, оранжевыми головками и как бы манят нас под свою благодатную сень»⁴.

В другом российском издании говорилось: «Японский лес гораздо пестрее и разнообразнее нашего – он поражает непривычного северянина огромным количеством древесных пород, красотой их форм и яркостью красок, особенно весною, когда большинство деревьев стоит в цвету». «Бесконечно разнообразные и чрезвычайно живописные ландшафты Японии поражают мягкостью очертаний гор, отсутствием резких линий и ярких тонов – здесь все сглажено и в то же время полно своеобразной красоты. Богатая растительность задрапировывает крутые обрывы, бесплодные скалы и утесы и лишает их того безотрадного

² Цит. по: Грабовская-Бородина А. Е. Русский ботаник Карл Иванович Максимович в Японии: японская гербарная коллекция в Санкт-Петербурге (Гербарий Ботанического института РАН) // Санкт-Петербург – Япония: XVIII–XXI вв. СПб.: Европейский дом, 2012, с. 502.

³ Цит. по: Кавакацу Хэйта. Фукоку ютокурон. Токио: Тюо бумпо, 2000, с. 27.

⁴ Как живут японцы. Сост. В. Овчининская. М.: Типография товарищества Сытина, 1899, с. 22.

вида, какой они имеют хотя бы на соседнем материке. Та же бесконечно обильная и разнообразная японская растительность ласкает взор богатством красок и тонов, своими изящными очертаниями, своим нередко сплошным покровом цветов, украшающих деревья весной, и пестротой листьев осенью... Чувство изящного, склонность наслаждаться красотой свойственны в Японии всему населению от земледельца до аристократа. Уже простой японский крестьянин – эстетик и артист в душе»⁵.

Почти все отзывы русских путешественников о японской природе исполнены восторгов. Особенно большое впечатление производило разнообразие ландшафтов (сочетание гор, равнин и моря), многообразие флоры (Зрскошная растительность») и ее цветовой гаммы. В ходу были сравнения с Италией и Швейцарией. Правда, эти оценки касаются прежде всего южной и центральной Японии – север страны казался не столь привлекательным и вызывал в памяти «унылые» российские ландшафтно-культурные эквиваленты. В то же самое время многие ландшафты, ценимые самими японцами и прославленные в их религиозной традиции, природные виды, воспеты в японской поэзии и живописи, часто оставляли европейцев, лишенных японского культурного бэкграунда, более-менее равнодушными. Русские воспринимали японскую природу прежде всего с эстетической точки зрения, избавленной от культурных трактовок. То же самое можно сказать и о японских садах, которые производили впечатление «игрушечных», а та модель природы, которая была там представлена, казалась русским «насилием» над природой. Иными словами, русских (точно так же, как и европейцев) манила прежде всего открывающаяся взору «дикая» японская природа, которая, как считалось, имела несомненное влияние на эстетическое чувство любого японца.⁶

Похвала европейцев много значила для японцев того времени. Боясь показаться некомпетентными, неловкими и смешными, каждый свой шаг японцы соизмеряли с европейским мнением. В качестве доказательства благодатности японской земли приводился тот факт, что смертность европейцев в Африке и Индии намного выше, чем в Японии. Отсюда делался вывод, что Япония для европейцев – это настоящий рай. А раз это так, то земля Японии действительно хороша.⁷

Японская земля мало что значила для европейцев того времени с «практической» точки зрения. Она была не только далека, она была еще и бедна теми ресурсами, которые интересовали Европу и Америку. «Копаться» в японской земле не имело смысла, поэтому она стала для

европейцев страной природы, страной для разглядывания. В отличие от практически всей остальной Азии, Япония избежала участи стать колонией белого человека.

В Японии не было ничего «ценного», того, чего нет в других странах. За исключением природы: пейзажей и растений. С европейцами был согласен и выдающийся просветитель Фукудзава Юкити. Еще в 1875 г. в книге «Основы цивилизации» он с присущим ему стремлением «играть на обострение», безжалостно писал: «Японии в нынешнем ее состоянии совершенно нечем гордиться перед Западом. Поскольку она обделена и природными ископаемыми, то ей остается гордиться только пейзажами. Что до продуктов человеческой деятельности, то предметов гордости здесь никогда не имелось»⁸.

Как происходило знакомство европейцев с японской природой? Помимо отзывов не слишком многочисленных путешественников, европейцы узнавали про Японию и ее природу через гравюры, фотографии и открытки. Кроме того, кое-какие японские растения были интродуцированы в Европе, японский посадочный материал пользовался там устойчивым спросом (например, это касается лилии, некоторых видов хвойных пород). Особой популярностью пользовались хризантемы – европейские хризантемы казались лишь бледными подобиями японских, которые с удовольствием воспроизводили на своих полотнах Дега, Ренуар, Пикассо, Мондриан. Не случайно французский писатель Пьер Лоти назвал очаровательную героиню своего романа «мадемуазель Хризантема». Разумеется, при пересадке на европейскую почву, все символические смыслы, которые имела хризантема в японской культуре, были потеряны. Хризантема в Японии – это прежде всего «мужской» цветок, символ бессмертных даосов-мужчин. Однако в Европе из символа долголетия она превратилась просто в красивый цветок, предмет любования и импорта, в женское имя.

Поскольку похвастаться научно-техническими достижениями Японии тогда не могла, в экспозициях всемирных выставок японцы делали упор на предметы искусства – изящного и садового. При этом в центре внимания оказался вовсе не миниатюрный бонсай. Зная пристрастие западной культуры к гигантомании, японцы опасались, что европейцы при виде крошечных моделей природы сочтут это дополнительным свидетельством ничтожности самой Японии. Кроме того, японцы тогдашнего времени считали, что в Европе ценят в природе естественность, а бонсай, который создается долголетними ограничениями в условиях роста (бедная почва, скудный полив, обрезание корней), никак не попадал в категорию «естественности». Поэтому японцы старались демонстрировать на выставках такие растения, которые могли поразить европейцев невиданными для них размерами и пышностью. К

⁵ Япония и ее обитатели. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1904, с. 14, 26.

⁶ Анализ представлений русских наблюдателей о японской природе см.: Петрова А. А. Природа Японии глазами русских путешественников второй половины XIX века. – История и культура Японии. 5. М.: РГГУ, 2012.

⁷ Нихондзин. 1891, №73, с. 11–15.

⁸ Фукудзава Юкити. Буммэйрон-но гайряку. Токио: Иванами, 1931, с. 24.

числу таких растений относились японские хризантемы – высокие, с множеством (более тысячи) цветков на одном стебле. На конкурсе хризантем, проводившемся на парижской выставке 1900 г., именно хризантемы, выращенные японскими садовниками, получили главный приз. Для японцев такое признание имело особый смысл, поскольку хризантема являлась гербом императорского дома. Поэтому и показ хризантем на этой выставке был приурочен к дню рождения императора Мэйдзи – 3 ноября. Поскольку среди целей участия Японии во всемирной выставке значилось повышение международного престижа страны, то можно было считать эту задачу выполненной. На Западе же формируется стойкий образ Японии как «страны хризантем».⁹

Кое-какие японские растения стали выращивать и в Российской империи благодаря усилиям известного ботаника и путешественника А. Н. Краснова (1862–1914), который основал Батумский ботанический сад. Он трижды посещал Японию и много сделал для разведения на Кавказе дальневосточных культур, в частности, чая и хурмы.

Природа Японии производила на европейцев глубокое впечатление, и японцы, почувствовав облегчение, приступили к осуществлению национально проекта под названием «Природа Японии». Он предназначался, прежде всего, для самих японцев: они остро нуждались в предмете гордости, который мог бы избавить их от комплекса неполноценности и поднять настроение. Кроме того, природа много значила в деле достижения национального консенсуса. И если политические идеи и лидеры служили предметом для ожесточенных споров, то природу любили все японцы. Это был беспроигрышный вариант.

В 1894 г. в свет вышла книга Сига Сигэтакэ «Японский ландшафт» («Нихон фукэйрон»), в которой он заявлял, что природа Японии – самая красивая в мире. Сига тоже не смог обойтись без ссылки на иностранцев: в начале книги он говорит о том, что все иностранцы восхищаются природой Японии и называют ее настоящим раем¹⁰. Собственно говоря, обоснованию этого иностранного тезиса и была посвящена книга. Но ее адресатом являются вовсе не иностранцы, а сами японцы, которым следует с энтузиазмом присоединиться к мнению иностранцев.

Эта книга явилась результатом длительных размышлений автора – ведь именно с гимна японской природе начинается Сига свою программную статью, которая была помещена в начале первого номера основанного им журнала «Нихондзин». В этой статье особой похвалы удостоиваются горы, прежде всего, Фудзи и другие «спящие вулканы», имеющие форму правильного усеченного конуса¹¹. Для многих японцев эта достающая

облаков гора являлась символом независимости Японии, уникальности ее природы.¹²

В то время идея о том, чтобы сделать природу Японии предметом национальной гордости, стала обретать своих сторонников. Так, видный мыслитель Утимура Кандзо тоже говорил о красоте Японии, но эта красота, в его понимании – красота страны, помещенной на географическую карту. Так, он упоминает о древнем сравнении Японии со стрекозой (*акидзу*). Утимура «достает» этот образ из сундука истории и говорит, что ему «нравится» название «стрекоза-остров». На обложке журнала «Нихондзин», в котором он часто печатался, в первые годы издания была изображена именно стрекоза на фоне сияющего солнца. Утимура описывает территорию страны, находя соответствия ее частям в стрекозином теле, выгнутом в направлении Тихого океана. Очертания Японии напоминают Утимура и облик Небесной девы (*тэндзё* или *тэннё*) – сверхъестественного существа буддийско-даосского пантеона, вошедшего и в японский фольклор¹³. Утимура, кажется, был первым, кто отважился на такое сравнение, которое раньше никому не приходило в голову.

Утимура Кандзо приводит схематическую карту Японии, которая должна подтвердить его умозаключения. На этой карте представлен и остров Хоккайдо, который стал восприниматься как «японский» по историческим меркам совсем недавно и не изображался раньше на картах Японии. В данном случае он играет роль головы небесной девы. В случае со стрекозой карта-схема читается в широтном направлении, что до девы, то ее голова указывает на север. Подход Утимура Кандзо к географии весьма походит на работу художника, рисующего буддийскую мандалу. В обоих случаях ни один из элементов изображения не равен самому себе – все они являются лишь видимыми символами более важных сущностей.

Взгляд Утимура на территорию страны – это взгляд с Неба, который не фиксирует реальных деталей японской природы. Что до Сига Сигэтакэ – то это взгляд человека, обосновавшегося на земле, что сообщало его построениям особую убедительность.

Книга «Японский ландшафт» вышла в свет 27 октября 1894 г. и сразу стала бестселлером. Уже 20 декабря она была переиздана, а 2 марта следующего года вышло третье издание. Всего же до апреля 1902 г. книга выдержала 14 переизданий. Рецензенты не отставали от читателей: к 30 ноября 1894 г. в самых различных газетах и журналах появилось 50 рецензий на эту книгу. Популярность Сига Сигэтакэ была настолько велика, что журнал для детей и подростков «Сёэн сэкай» в октябре 1895 г. признал его, наряду с Миякэ Сэцурэй и Токутоми Сохо, лучшим литератором страны. Политическая элита тоже решила поощрить его.

⁹ *Сирохата Ёдзабуро*. Кику то банкокухаку. – Банкоку хакуранкай-но кэнкю. Токио: Синькаку сюппан, 2004, с. 111–132.

¹⁰ Нихон фукэй рон. Токио: Иванами бумпо, 1995, с. 14.

¹¹ Нихондзин. 1888, №1, с. 1.

¹² Нихондзин. 1888, №5, с. 39.

¹³ *Утимура Кандзо*. Тидзинрон. Токио: Иванами, 2011, с. 153–155.

В 1895 г. Сига был назначен начальником департамента гор и лесов в Министерстве сельского хозяйства (1895), потом получил должность помощника министра по особым поручениям в министерстве иностранных дел, много путешествовал за границу (в том числе совершил три кругосветных путешествия). В 1902–1903 гг. он дважды избирался от партии Сэйюкай депутатом нижней палаты парламента в своей родной префектуре Айти (на выборах 1904 г. его кандидатура не прошла, и Сига удалился от активной политической деятельности). Книга «Японский ландшафт» спровоцировала живую дискуссию, послужила отправной точкой для многих авторов, которые приступили к культурологической интерпретации природы Японии.

Сига Сигэтака закончил сельскохозяйственный институт в Саппоро. Впоследствии он был преобразован в Императорский университет Хоккайдо. На время написания книги в Японии имелось всего два государственных высших учебных заведения: указанный институт и Токійский государственный университет. Сига считал себя географом (в институте не было преподавателя географии и в этом отношении был самоучкой), но «скучная» география вряд ли в состоянии пробудить тот интерес, который вызвала его книга. «Настоящие» географы считали это сочинение дилетантским. Причина популярности сочинения Сига Сигэтака состояла не в научности, а в публицистическом задоре – он был первым, кто во всеуслышание заявил: природа Японии не просто хороша, она прекраснее, чем природа любой другой страны мира. И это «открытие» вызвало шквал восторгов, подавляющее большинство рецензий было выдержано в исключительно хвалебных тонах.

Сига Сигэтака являлся продуктом двух традиций: с одной стороны, он был потомком самураев, его воспитывал образованный ученый и, следовательно, Сига хорошо знал японскую литературно-художественную традицию (прежде всего эпохи Токугава), а с другой – он закончил институт, где преподавание осуществлялось исключительно на английском языке в соответствии с западными естественно-научными установками. В связи с этим и собственное мировосприятие Сига, его сочинения и идеи несут на себе след как японского (литературно-художественного), так и западного (научно-позитивистского) наследия. Это ощущалось и современниками – во многих рецензиях на «Японский ландшафт» их авторы хвалили Сига именно за то, что ему удалось приблизить поэзию к науке, а науку – к поэзии. Собственно говоря, и сам он отмечал, что между поэзией и наукой не существует непримиримых противоречий, следует только привести эти два начала в гармоничное и сбалансированное состояние (с. 331)¹⁴. Сочетание (временами – прихотливое или даже причудливое) науки и поэзии составляет одну из главных особен-

ностей этого сочинения. Кто-то называл Сига японским Гумбольдом, кто-то – японским Рескиным... Все вместе это давало основания для того, чтобы назвать Сига настоящим, «эталонным» японцем.

За три месяца до выхода книги Япония напала на Китай, патриотические настроения находились на подъеме, прославление Японии в любой области находило горячий отклик. Один из рецензентов отмечал, что появление книги в те дни, когда раздается звон скрепленных мечей, появление книги, воспевающей красоту японской природы, не может не вызывать восхищения. В своей книге Сига почти ничего не говорил о политике, но рецензенты зачастую оценивали его текст исходя именно из политической ситуации. Рецензент из газеты «Синано майнити симбун» писал, что Сига Сигэтака воспекает сущность Японии, которая состоит в «непрерываемой в веках императорской династии и невиданной во всем мире красоте [японской] природы»¹⁵. И это при том, что про династию Сига не говорил ничего.

В качестве эпиграфа к своей книге Сига Сигэтака выбрал протяженный пассаж из произведения знаменитого конфуцианского мыслителя Кайбара Экиэн (1630–1714), в котором тот говорит о несравненной и нескончаемой радости любования природой, радости, которая доступна всякому человеку – высокому и низкому, бедному и богатому. Сам же Сига писал, что «красота японских гор и вод, многообразие ее растительного мира являлись и являются основой для воспитания в японцах чувства красоты» (с. 321). И это чувство красоты, полагал он – гарантия будущих успехов японской нации. Мыслители эпохи Токугава тоже полагали, что «божественная страна» обладает несравненными достоинствами, однако они не говорили о ее красоте. Что до Сига, то он во главу угла поставил именно эстетику.

Но не только традиция оказала влияние на мировоззренческие убеждения Сига. Здесь сказались и конкретные события его жизни. В феврале 1886 г. он отправился в свой первый длительный морской вояж. Погрузившись на учебный корабль «Цукуба», принадлежавший военно-морскому училищу, он за собственный счет совершил путешествие по южным морям, побывав на Каролинских и Мариинских островах, Фиджи, Самоа, в Австралии и Новой Зеландии. Цели плавания имели научный характер, но в результате эта поездка оказала самое сильное влияние на эмоции молодого ученого: его повергла в ужас увиденная им воочию неприглядная практика колониализма. В то время японцы опасались, что их может постигнуть такая же участь – порабощение и уничтожение собственной культуры.

Страхи Сига по поводу утраты идентичности можно понять. Жизнь в Японии давала немало оснований для таких страхов: многие «пере-

¹⁴ Здесь и ниже ссылки на сочинение Сига Сигэтака приводятся в круглых скобках с указанием страницы по изданию: Нихон фукэй рон. Токио: Иванами бумпо, 1995.

¹⁵ Цит. по: *Оомуро Микио*. Сига Сигэтака «Нихон фукэй рон» сэйдоку. Токио: Иванами бумпо, 2003, с. 31, 36.

довые» японцы того времени желали избавиться от своей «японскости» (вплоть до смены японского языка на английский) и стать «настоящими» европейцами. Попытки сделать из территории Японии европейский клон также были в ходу. Так, упоминавшийся Утимура Кандзо утверждал, что Япония – это азиатская Греция. Это сравнение было широко распространено в Японии того времени, ибо Греция – это колыбель европейской цивилизации. Обычно делался «поясняющий» акцент на то, что олицетворением греческого духа является Спарта с ее воинским духом и непритязательностью нравов. По всей вероятности, в деле возвеличивания Спарты (и принижением демократических Афин) японские мыслители шли вслед за немецкими историками-публицистами, которым нравился авторитарный стиль спартанского управления. Утимура развивает сопоставление Греции и Японии и придает ему географическое измерение: и Япония и, в значительной степени Греция – страны островные. Греция – это «малая Европа»; следовательно, и Японию тоже можно считать «малой Европой». А раз так, то в географии Японии должно быть все то, что имеется в Европе. Поэтому Внутреннее японское море – это Средиземное море; Иберийский полуостров соответствует районам Маньин и Саньё; Италия с ее оливками – это полуостров Кии с его мандариновыми деревьями; Адриатическое море – это залив (традиционно назывался морем) Исэ; Балканский полуостров – полуостров Идзу; архипелаг Оки – Британский архипелаг; полуостров Ното – полуостров Ютландия; песчаные отмели Китанокоси – северное побережье Германии; равнины самого малокультурного в Японии района Оу (префектуры Фукусима, Мияги, Иватэ, Аомори, Акита и Ямагата) на севере Хонсю – это «плоская» Россия (Московия); остров Садо – Скандинавский полуостров, Исландия – остров Такэсима. Утимура Кандзо находил в Японии и такие места, которые соответствовали Франции, Апеннинам, Венгрии, рекам Дунаю и По... При этом Утимура честно признавал, что Япония не подходит на Америку, Африку, Австралию, Индию и Китай. «Япония расположена в Азии, но ее структура является европейской»¹⁶.

Люди, подобные Утимуре, желали, чтобы Япония скорректировала свою «исконную» идентичность, добавив в нее западную составляющую – путем нахождения соответствий в географии Европы и Японии. Такое сопоставление давалось Утимуре если не с изяществом, то с невероятной легкостью. Такой же сообразительности и легкости он ожидал и от своих читателей. Приписав составным частям Японии европейские соответствия, он намеревается проделать такую же операцию с японскими и европейскими горами, но осекается, сетует на недостаток места и предлагает – в силу простоты задачи – сделать это самому читателю...

¹⁶ Утимура Кандзо. Тидзинрон. Токио: Иванами, 2011, с. 157–165.

Утимура был христианином и патриотом. Он тоже стремился к тому, чтобы избавить японцев от комплексов. Он как бы говорит: нечего унывать, ведь в Японии есть все, что есть в Европе. Однако эта логика не пользовалась у массового читателя такой популярностью, как логика Сига Сигэтака: нечего унывать, ведь Япония – страна уникальная, ей есть чем гордиться. Утимура написал в своей рецензии на «Японский ландшафт», что мнение Сига о том, что природа Японии – лучшая в мире, является «патриотическим предрассудком». Но японцы поверили не его предрассудкам, а предрассудкам Сига.

Вместо выстраивания цепочки тождеств между Японией и европейским миром Сига предлагает обнаружить в японской географии и природе уникальные особенности. Он приводит цитаты из сочинений конфуцианского ученого Сайто Тикудо (1815–1852) и художника Инэ Нобуёси (жил на рубеже XVII–XVIII вв.), из которых явствует, что в Китае, Корее и в западных странах отсутствуют несравненная сакура и другая вестница весны – птичка с неподражаемым голосом *угуису* (камышовка; обычно переводится на европейские языки как «соловей»), а ведь без любования этими цветами и этим пением человек не может стать полноценным (с. 18–22). Полноценность же понимается как развитое чувство красоты.

Если же говорить об общих чертах природы, которые придают Японии уникальность, то это: 1) многообразие климата и окруженность морями; 2) высокая влажность; 3) обилие вулканов; 4) бурные и порожистые реки. Совокупность этих факторов определяет очарование японской природы, которая обладает изяществом, красотой, многообразием и величием.

Особенно интересно появление последней категории. Взгляд Сига приковывают крупные географические объекты: равнины, покрытые нескончаемыми сосновыми рощами, горы (прежде всего самая высокая японская гора – Фудзи), с которых открывается бескрайняя земля, пики, высящиеся над облаками (с. 22–23). Однако в японской культуре на самом деле представлены не только «величественные», но и крошечные объекты. Малые культуроформы моделирования природной среды (поэзия, бонсай, икэбана, живопись) пользуются в ней огромной популярностью. Однако Сига Сигэтака игнорирует их. Чаемое превращение Японии в мощную мировую державу и колониальную империю диктовало другие подходы к практическому и ментальному освоению пространства. Географическая мысль эпохи Токугава не знала полноценного описания всей территории Японии, нам известны лишь описания отдельных провинций и княжеств. Что до Сига Сигэтака, то он последовательно оперирует крупными территориальными единицами, описывает всю Японию как единое образование – начиная со слабо освоенных Курильских островов – на севере, и до окружающих Кюсю мелких островов – на юге. Особое внимание, уделяемое им северным и южным

островам архипелага, легко понять – ведь и Курилы, и Рюкю вошли в состав территории Японии совсем недавно и они нуждались в «доместикации».

В первом разделе речь идет о море и многообразии климата. Рассуждения Сига о море являются отражением увеличения значимости моря в государственно-общественном сознании. Эти рассуждения имеют «объективистский», научный характер. Автор честно перечисляет географические особенности побережья Японского моря и Тихого океана, приводит их характеристики с точки зрения рельефа, господствующих ветров, имеющихся морских течений, удобства мореплавания и т. д.

Однако при сравнении «морского раздела» книги с другими ее частями нетрудно заметить, что в других частях автор обильно уснащает свое повествование высокохудожественными цитатами своих предшественников – как поэтическими, так и прозаическими. В морском же разделе они полностью отсутствуют. Вероятно, по той причине, что традиционной художественной (письменной) культурой не был выработан язык для описания морской среды. Сам Сига тоже не находит собственных восторженных слов, когда речь заходит о море. Неудивительно, что морской раздел книги – самый короткий и насчитывает всего несколько страниц, а два приведенных в книге стихотворения о море принадлежат перу вовсе не японцев, а никому не известных европейских стихотворцев (с. 307–308). Если Сига и интересуется морем в эстетическом отношении, то только в том смысле, что его волны влияют на сушу, придавая береговой линии причудливые и красивые очертания (с. 312).

Больше внимания уделяется в первом разделе многообразию климата. Автор констатирует, что большая протяженность архипелага в меридиональном направлении обуславливает многообразие климатических зон на территории страны, а это, в свою очередь ведет к многообразию растительного мира (в частности, цветов), многообразию, которое представлено в книге в научно-табличной форме. Это многообразие, по убеждению автора, и составляет красоту Японии. Пожалуй, в этом отношении следует признать Сига Сигэтака первооткрывателем. Основной дискурс прошлых времен был направлен скорее на редукцию многообразия, чем на его воспевание. Это касается и литературы, и садов, и изобразительного искусства. Однако Сига Сигэтака – не только литератор, но и ученый. Поэтому в данном случае он приводит научное обоснование разнообразия японской флоры и фауны: оно соответствует положению Дарвина и Альфреда Рассела Уоллеса (1823–1913) о том, что «в островных странах формируется [большое] биологическое разнообразие новых видов» (с. 36).

В рассуждениях, посвященных растениям, особое внимание Сига уделяет сосне. Автор утверждает, что японцы всегда выражали свои чувства через образ недолговечного цветения нежной, осыпающейся под ветром сакуры, но не уделяли должного внимания сосне, несмотря

на то, что сосна – вечнозеленое, долгоживущее и стойкое дерево, которое сопротивляется холодам и ветрам, а потому японцы должны сделать сосну образцом для подражания, превратить Японию в «страну сосны», в страну негибкости, и избавиться от представления о том, что Япония – это «страна сакуры».

Автор, безусловно, грешит против истины, поскольку на самом деле сосна с самой древности весьма часто становилась объектом для художественного изображения, она служила символом долголетия, и Сига не мог не знать об этом. Его соображения относительно сосны следует воспринимать в общем контексте направленности его мысли и чувств: он обладал оптимистическим и бодрым зарядом, который старался привить и своим читателям. В связи с этим он хотел подчеркнуть, что жизнь может быть не только недолговечной и хрупкой, но также длинной и прочной. По количеству произрастающих там видов сосны, утверждает автор, Япония находится на первом месте в мире, что является условием для воспитания жизнеутверждающего и сильного характера – ведь сосна укореняется даже на голых скалах, где другие растения выжить не в состоянии (с. 33–35).

Несмотря на заявленное многообразие японской природы, фауна представлена в книге чрезвычайно скупо. Лишь мимоходом автор упоминает, что в Японии мы наблюдаем обилие и большое разнообразие птиц, насекомых и бабочек (включая эндемиков), что полностью соответствует традиционным предпочтениям японской культуры, литературы и искусства с их акцентом на малом. О милых же сердцу европейца млекопитающих и рыбах в книге не говорится ничего.

В своем сочинении Сига уделяет много внимание влажности японского климата. Напомним: одним из основных концептов дальневосточной натур-философии был концепт *ки* (кит. *цзи*) – энергия, пульсация которой обеспечивает все природные процессы. Сам термин «погода» (*тэнки*) буквально означает «небесное *ки*». Один из рецензентов «Японского ландшафта» с удовольствием развивал древнюю теорию применительно к современной Японии: «В том месте, где собирается превосходная *ки*-энергия, тамошний народ с давних времен красив и сердечен, люди там здоровы и деятельны», они служат династии, которая насчитывает более двух с половиной тысяч лет, там господствуют веселость и мир, а Сига удалось показать «потрясающую красоту ландшафтов, дарованных природой нашей стране» где автор вместе со своими читателями-подданными островной империи «наслаждается вечным и непревзойденным раем»¹⁷.

Первоначальное значение *ки* – это пар над варящимся жертвенным рисом. Таким образом, в этом понятии присутствует признак «влажность», который обладает исключительно положительными и даже са-

¹⁷ Цит. по: Оомуро Микио, с. 35.

кральными характеристиками. «Влажность» – понятие научное, в эпоху, когда Япония увлеченно овладевала достижениями западной науки, японцы переводили традиционные мыслительные категории на современный научный язык. При этом «осовременивании» значительная часть прежних смыслов сохраняла свой первоначальный заряд. Эта же участь постигла и *ки*-энергию, которая превратилась во «влажность». В эпоху, одним из символов которой стал паровозный дым, Сига и его читатели предпочитали видеть Японию, укутанную в туман. Это был тот самый туман, который наблюдали и воспевали предки. Сига Сигэтака хотел видеть в природе неизменность, и, таким образом, природа выступает в качестве элемента, связующего всех японцев независимо от времени, в котором им довелось жить. В первом номере журнала «Нихондзин» Сига обращается к японцам как к «братьям и сестрам» – обращение немыслимое для более раннего времени, ибо вся идеология периода Токугава зиждилась на сословности и фрагментации общества. Сейчас же задача состояла в «склеивании», в формировании единой нации, местом обитания которой является наделенная влажностью прекрасная земля Японии.

В традиционной Японии ее обитатели много страдали от избытка атмосферных осадков: ливневые дожди и тайфуны постоянно угрожали их жилищам, посевам, ирригационным сооружениям, самой жизни. Высокая влажность (наряду с сильным ветром, холодом и жарой) всегда считалась в традиционной медицине одной из главных причин заболеваний. Что касается художников и литераторов периода Эдо, то изображение (воспевание) влажного воздуха в виде дымок, туманов, моросей было одним из любимых объектов художественного отображения. Таким образом, отношение японцев к атмосферной влаге было двойственным. Однако Сига Сигэтака не интересуется отрицательные для хозяйственной деятельности и здоровья человека последствия влажного климата, он приписывает влажности исключительно положительные коннотации – настолько, что один из рецензентов называет его сочинение «туманоманией»¹⁸. Такому пониманию влажности способствует и употребляемый Сига термин *суйдзёки* («водяное *ки*»). Его влажное прикосновение делает природную жизнь разнообразнее, придает ей дополнительное качественное измерение. Это касается даже звука. Сига Сигэтака утверждает, что благодаря высокой влажности воздуха ему, совершающему мысленное путешествие по стране, лучше слышны голоса на дороге, звуки ткацких станков, голос кукушки, крики петухов, песни рыбаков и даже голоса детей, читающих вслух книги (с. 59). Влияние влажности на звукопроводность – многообразно, она может не только улучшать, но и ухудшать слышимость, но для автора книги эта влажность может пониматься только в положительном смысле.

¹⁸ Оокура Микио, с. 48.

Автор отмечает, что Япония окружена со всех сторон морями, ветры приносят с материка и из Индийского океана дождевые облака, которые, «цепляясь» за горные хребты в Японии, проливают на нее благословенную влагу. Рассветный и закатный солнечный свет «играет» в этих облаках и расцветивает их. Такие облака Сига называет «пятицветными» (с. 51). Влага, которая наполняет облака, проливается на растения и напитывает их. Поскольку цифра «пять» обладает исключительно положительными коннотациями (символизирует пять первоэлементов), образованный читатель приравнивает эту «пятицветность» к «чудесным» облакам, которые в китайской (а потом и в японской) натурфилософии являлись благоприятным знаком. В японской древности появление «чудесных облаков» могло приводить даже к изменению девиза правления. В подсознании автора безусловно присутствуют положительные характеристики многоцветных облаков, но для его сознания важнее другое: он утверждает, что поскольку на материке в силу объективных природных условий расцветенных таким образом облаков не бывает, то тамашние поэты и художники не умеют, в отличие от японских, точно и тонко отражать в своем творчестве те природные (атмосферные) изменения, которые происходят под влиянием влажности, превращающей японское небо и землю в прекрасное (с. 51–55).

Сига характеризует Японию как страну, над которой «собираются» дождевые облака, приносимые извне. Эти облака движутся от периферии к центру. Центростремительное движение – признак «правильного» устройства страны, где подданные устремляются к Центру (правителю) с изъявлением покорности, точно так же «поступают» и облака. Точно так же поступают и птицы, которые прилетают в Японию из мест с тропическим и холодным климатом (с. 36). Причина этого понятна: в других климатических зонах либо слишком холодно, либо чересчур жарко, и только в Японии существуют идеальные условия для существования. Сига Сигэтака призывает соотечественников постоянно помнить об этом.

Обращаясь к наиболее важным для него «эстетическим последствиям» высокой влажности климата (в связи с этим автор щедро цитирует стихи на китайском и японском языках, воспевающие туманы и дымки), Сига Сигэтака одновременно отмечает, что влажность (вкупе в относительно теплым климатом) имеет благоприятные последствия для сельского хозяйства и растительного мира Японии: производства риса, чая, произрастания мхов и деревьев (этому способствует также традиционный запрет на вырубку деревьев в районах расположения синтоистских святилищ и буддийских храмов) (с. 58). Если же все-таки на территории Японии и встречаются немногочисленные места с низкой влажностью, то здесь все равно обнаруживаются несомненные достоинства: в таких местах занимаются выпариванием соли, а дымки от ее выпаривания сообщают пейзажу дополнительную поэтичность (с. 68).

В конце раздела, посвященного влажности, автор приводит список из 14 явлений, которые европейцы и американцы не могут наблюдать в своих странах. Например: «Высокий пик Фудзи вырисовывается над облаками, со стороны Тихого океана на горизонте поднимается солнце, оно неспешно втирает в нижнюю край белых облаков золото, кино-варь, цвета алый, лиловый» (с. 83). Поскольку по богатству красок японский осенний лес превосходит немецкий, то совершенно неудивительно, что на считающейся лучшей в мире немецкой красильной фабрике употребляют в работу 1400 красителей, а на фабрике Кавасима в Киото – две тысячи (с. 65). Таким образом, японцы, проживая в особых природных условиях, умеют то, чего не умеют (не могут уметь) другие. Широко распространенная ныне в массовом сознании идея о том, что японцы обладают особой цветочувствительностью, имеет истоком книгу Сига Сигэтака.

Подводя итог сказанному о влажности, Сига утверждает, что без этой влажности Япония не была бы красивой страной, а поскольку она таковой является, то это – огромное счастье для литераторов, художников, скульпторов и других глубоких натур.

В разделе, посвященном рекам, автор констатирует, что японские реки отличаются бурным течением, порожистью, водопадами. Они коротки и малопригодны для транспортного сообщения. В то же самое время энергия падающей воды может быть успешно использована для устройства водяных колес и строительства электростанций. Сига приводит достаточно многочисленные описания рек, принадлежащие кисти японских литераторов и утверждает, что наличие таких рек придает пейзажу «красоту, необычность и величественность» (с. 298). Разумеется, «ни китайцы, ни англичане не могут наблюдать в своих странах ничего подобного» (с. 268). Собственная концепция настолько овладевает автором, что, говоря о «полноводных» японских реках, он совершенно «забывает» упомянуть о том, что в засушливый сезон многие из них превращаются в жалкие ручейки. Взгляд Сига обладал свойством избирательности, он видел только то, что хотели видеть его соотечественники.

Наиболее протяженный раздел книги Сига Сигэтака посвящен горам, которые он считает самым важным элементом японского ландшафта. В этом отношении он шел вслед за традицией. Сообщив читателю, что одну пятую часть территории Японии занимают вулканы (действующие или потухшие), Сига объявляет их «главным элементом красоты японских пейзажей». Японские поэты неустанно воспевали красоту вулканов, но они называли их не этим «научным термином», они именовали их просто «горами» (с. 85–87). Далее приводятся многочисленные примеры такого поэтического творчества. Что до других стран, то ни в Корее, ни в Китае, ни в Европе нет такого количества

вулканов, из чего Сига Сигэтака заключает, что именно на Японию употребил свои главные творящие силы Творец (с. 175).

Сига Сигэтака не был христианином, он был вообще далек от любой религии, поэтому его пассаж о Творце не следует понимать буквально. В данном случае Творец – это метафора, обозначение той неведомой силы, которая, тем не менее, выбрала объектом своей креационной активности территорию именно Японии, а не какой-то другой страны.

По мнению автора, японские горы в выгодную сторону отличаются от гор в других странах не только количеством, но и качеством: заграничные горы выглядят голыми, японские же – в силу большой влажности – покрыты многообразной растительностью.

Классификацию гор Сига производит по внешнему показателю: 1) Обладающие «красотой и геометрической формой», которые находятся в состоянии гармонии. Эти красота и геометричность реализуется в вулканах, обладающих формой усеченного конуса; 2) Горы, форма которых не обладает «строгостью» (т. е. на этих горах имеются неровности, пещеры, локальные пики, озера и т. п.). При этом Сига Сигэтака отдает недвусмысленное предпочтение горам с «правильной» формой (с. 92–94).

Наследуя интерес традиционной культуры к горам, Сига Сигэтака вводит критерий, который никогда не использовался в этой культуре, а был принадлежностью культуры западной, которая так ценит симметрию и обнаруживает в ней красоту. Возможно, это лучше всего видно на примере Фудзи: европейцы восхищались этой горой прежде всего потому, что она имеет форму правильного (почти правильного) усеченного конуса¹⁹.

Горы служат для Сига несравненным источником художественного вдохновения. Только в горах можно обнаружить такие чистые и свежие краски (в том числе и самый «престижный» фиолетовый цвет – цвет одежд даосских небожителей и высших придворных), только в горах облака напоминают воздушную ткань, которую ткут небожительницы, только в горах восходы сродни чистому пламени, только в горах вода в озерах так чиста и покойна. Чудесен вид пиков, высящихся над облаками. Так же неподражаемы горная зелень и цветы (с. 193–195).

Сига воспевал вулканы, для него их главной особенностью являлась способность пробуждать в человеке поэтические чувства. Разумеется, он знал и про тот ущерб, которые могут наносить человеку извержения, но этот ущерб для него – величина исчезающе малая. Предугадывая читательское недоумение, он возражает гипотетическому оппоненту («гостю»), который смущен тем фактом, что автор не поминает о разрушительной силе вулканов. Сига отвечает ему следующим образом:

¹⁹ Восприятию Фудзи в Японии и на Западе посвящена наша книга: Гора Фудзи: между землей и небом. М.: Наталис, 2010.

без вулканической деятельности и без гор земля была бы совершенно круглым, скучным и унылым шаром, пейзаж не вызывал бы восхищения, виды Японии были бы лишены присущей им красоты. Поскольку по мере подъема в гору можно наблюдать различные климатические зоны и присущее им разнообразие растительной жизни, то отсутствие гор привело бы к уменьшению многообразия, которое понимается как исключительно положительное свойство. Наличие гор увеличивает поверхность территории Японии, умножает ее разнообразие. Выслушав эту хвалу горам, смущенный гость спрашивает автора: разве жизнь японцев не наполнена ужасом ожидания неминуемых извержений? Разве постоянный страх не препятствует развитию страны? Разве европейские державы и Америка не смогли достичь впечатляющего развития, несмотря на то, что там отсутствуют вулканы? Но «хозяина» трудно смутить. Он упрекает собеседника в слабом знании истории: ведь сам древний Рим, являющийся предшественником современной европейской цивилизации, построен на скале вулканического происхождения, а потому его можно назвать «вулканической страной». Следовательно, и Япония, являющаяся такой же вулканической страной, тоже должна выполнить свое «небесное предназначение» и стать «истокom для будущей восточной цивилизации». И тут собеседнику возразить уже нечего – он позорно ретируется. А Сига Сигэтака заключает: японцам были дарованы вулканы, потому что «без их воспевания, без восхваления их красоты японцы перестали бы быть японцами» (с. 189–191).

Проблема «остаться японцами» волновала тогдашнее общество – ведь очень многим казалось, что вестернизация лишает их национальной идентичности. Как сделать так, чтобы японцы продолжали оставаться японцами? На этот вопрос продолжает отвечать «Приложение» к разделу о горах, озаглавленное «Следует развивать желание подниматься в горы».

В этом приложении содержится призыв к школьным учителям, которым предлагалось поощрять в учениках горный туризм, для чего те должны писать сочинения на темы, связанные с подъемом на горы (с. 203–204). Сига Сигэтака пишет о практической стороне горного туризма, отмечая необходимость тщательной подготовки к восхождению. Он подчеркивает, что европейская одежда удобнее для туризма, чем японская, он дает инструкции по ношению европейской обуви и уходу за ней. Автор предлагает также советы по питанию и снаряжению, предостерегает об опасностях, описывает возможные горные маршруты.

Читатели воспринимали практические советы как результат личного опыта Сига, но на самом деле эти параграфы были изложением книги англичанина Гальтона «Искусство путешествовать» (*F. Galton. The Art of Travel.*), четвертым изданием (1867 г.) которой пользовался Сига. При описании японских гор Сига также широко использовал изданный в Англии справочник “A Handbook for Travellers in Central and Northern

Japan”, составленный Э. Сатоу²⁰. Сига Сигэтака пропагандировал хайкинг, но сам он никогда не поднимался на высокие горы. Возможно, это отчасти связано с его тучностью. Кажется, самой высокой горой, которую он «покорил», была гора Цукуба (преф. Ибараки) высотой в 877 метров. В то же самое время публика воспринимала его как бывшего покорителя гор, потому что его описания гор обладали художественной убедительностью.

В Европе того времени хайкинг расценивался как разновидность спорта, средство для повышения физических кондиций, забота о здоровье. Любование пейзажем было только одной из составных частей той «пользы», которую способен принести туризм. Однако для самого Сига был важен не столько хайкинг в качестве физического упражнения, сколько как новая, дополнительная возможность для любования пейзажем. Таким образом, он манил читателей эстетикой гор. Подъем на гору – это подъем не столько тела, сколько духа. Дополнительная возможность создавалась потому, что раньше, в эпоху Токугава, открывающийся вид с гор никогда не становился предметом для любования и воспеания. Японские художники и поэты изображали горы, находясь у их подножия. Подъем на горы был уделом паломников, странствующих буддийских монахов (*ямабуси*), но их интересовали не столько открывающиеся с вершины красоты, сколько возможность совершить моления, достичь бессмертия (долголетия), приобщиться к сакральному, а не к прекрасному. Представители официальной (самурайской и аристократической) культур относились к таким паломникам с пренебрежением, считали их «темными», грубыми, полными предрассудков. Однако под влиянием европейских взглядов о прекрасном, образованные японцы стали занимать в пространстве и другую, «вершинную» точку зрения. Сига Сигэтака писал: «Если подняться на самую вершину и взглянуть вниз, то увидишь, как у подножия клубятся облака, ты увидишь, как надвигается на тебя бескрайний простор равнинного мира, ты сможешь уместить этот мир на своей ладони, ты ощутишь себя не принадлежностью человеческого мира – ты ощутишь себя так, будто находишься в небесах, будто ты смотришь на землю с другой планеты – грудь ширится, воспаряет дух... В общем, горы – это самое замечательное явление природы, самое величественное и мощное, самое высоко-чистое, самое священное» (с. 203).

Гора Фудзи занимает совершенно особое место в рассуждениях Сига Сигэтака. Даже своего старшего сына он назвал в честь этой горы – Фудзио (Фудзи + мужчина). Сига Сигэтака видит в Фудзи непревзойденный образец и находит, что «Фудзи воистину является эталоном для знаменитых гор всего мира» (с. 97). Что до многих других гор Японии, которые, благодаря своему вулканическому происхождению, обладают

²⁰ Оомуро Мики, с. 326–327.

схожей с Фудзи формой, то Сига именует их «малыми Фудзи». Именно такое неофициальное наименование было широко распространено в тогдашней Японии.

В своей книге Сига перечисляет 20 «местных Фудзи» на территории от Хоккайдо до Кюсю, но на самом деле таких Фудзи насчитывается намного больше. Поэтому Фудзи – это не только символ красоты и величественности. Эта гора не только «клонировается» на территории самой страны. Фудзи выступает также в качестве инструмента «символической экспансии» или «эстетического империализма». Сига Сигэтака пишет, что когда Шаньдунский полуостров станет частью Японской империи, то тогда священная для китайцев гора Тайшань, на которой древние китайские императоры молились богам Неба и Земли, будет переименована в «шаньдунскую Фудзи». Та же судьба ожидает и самую высокую гору Тайваня. И тогда японские литераторы и художники получат новый «природный материал», создадут новые шедевры, и сумеют воспеть красоту этих «новых Фудзи» лучше, чем сумели сделать это их предшественники. Увеличится также и материал для автора «Японского ландшафта», который получит возможность для расширенного переиздания (с. 319–320).

Сига Сигэтака полностью игнорирует экономический аспект колониализма, он не говорит о том, что расширение территории Японии может быть «выгодно». Точно так же, как и многие его читатели, он испытывал от территориальных приобретений прежде всего радость поэтично-эстетического свойства. Эти люди оперировали не миром вещным, а миром символическим. Недаром Сига Сигэтака говорит не о расширении территории страны, а о «расширении карты нашей империи».

Следует сказать, что план Сига был отчасти осуществлен. В результате победы в японо-китайской войне Тайвань стал частью японской империи, и самая высокая гора Тайваня Юйшань (3997 м) была переименована. Причем произошло это по императорскому указу, что подчеркивало значимость этого события. Таким образом, император Мэйдзи реализовал древнее государево право давать названия природным объектам и распорядился назвать тайваньскую гору Ниитака – «Новой Высокой Горой».

Фудзи являлась для Сига Сигэтака частью грандиозного плана по «экспорту» японской географии. Он отмечал, что европейские географические термины не подходят для описания азиатских реалий. Поскольку же земля Японии имеет намного больше сходства с Азией, то в силу своей развитости по сравнению с другими азиатскими странами следует экспортировать новые географические термины, в основе которых лежат японские реалии, которые должны выступать в качестве эталонных. Таковы, например, скальные породы реки Самбагава, горы Микабо и т. д. (с. 325–326).

Сига, разумеется, прекрасно знал, что Япония – страна многих островов. Но он предпочитает говорить не об «островной стране», а об «островной империи» (*сима тэйкоку*, с. 317). Он говорит о ней с гордостью, но все-таки хорошо заметно, что в подсознании Сига (точно так же, как и в подсознании очень многих японцев) все-таки сохранялся «комплекс островитянина» по отношению к огромному матерiku. Он прорывается в именовании Японии «материковым островом» (*майрику сима*), который когда-то составлял часть материка, но потом отделился от него (с. 325). Географические познания Сига Сигэтака позволяли ему именовать Японию материком – хотя бы и бывшим. В глубине души японцы того времени горели поэтическим желанием избавиться от своей «островной» сущности, «примазаться» к матерiku и расшириться до состояния «материковости». Отсюда и происходят рассуждения Сига о желательности колонизации материка ради достижения эстетических целей.

В самом конце книги Сига Сигэтака приводит цитату из статьи проповедника С. Барнетта, который говорит о счастливой судьбе японских бедняков, которые любят природу настолько сильно, что любованием ею позволяет им забыть о своей бедности, а потому другого такого народа, как японцы, на свете не существует (с. 352–353). То есть человек европейской культуры – точно так же, и процитированный в самом начале сочинения Кайбара Экиэн – говорит о том, что любованием природой обладает сверхценностью. Однако Барнетт идет дальше японского мыслителя. Во времена Кайбара Экиэн японской нации еще не существовало, теперь же никто не мог сказать, что ее нет. И природа Японии играла в формировании японской нации весьма существенную роль. Книга написана, круг замкнулся, выводы сделаны...

Для творчества Сига Сигэтака характерно совмещение научного и поэтического подходов. И это придавало его сочинению особую убедительность и привлекательность для тогдашних японцев. В то время эти начала находились в относительно сбалансированном состоянии, поэзия поверялась практикой, страна успешно развивалась, одержала победу в войне с Китаем и не ставила перед собой несбыточных целей. Однако многие рецензенты видели в сочинении Сига не столько то, что там было написано, сколько то, что им хотелось там прочесть. Они продолжали, развивали и «усовершенствовали» его идеи до не вполне узнаваемого вида.

Сига Сигэтака говорил о том, что превращение сосны в символ японского характера придаст людям сил, рецензенты же упорно превращали сосну в символ императорского дома: сосна «выражает религиозный дух японца, а этот религиозный дух поддерживает почтение к японскому императорскому дому, обеспечивает вечное бытие духа Ямато». Другой рецензент говорил о том, что несравненные, лучшие в мире японские пейзажи – это «всемирный сад», любованием ими не только

поднимает национальный дух, но и превращает японцев «в народ, который не имеет себе равных в мире в части верноподданничества и воинской мужественности, формируют удивительное и блистательное искусство»²¹. Сига Сигэтака превозносил красоту Фудзи, его последователи стали говорить о том, что эта гора является символом вечной императорской династии²².

Как мы видели, пейзажи в изображении Сига Сигэтака предстают в обезлюдевшем виде, однако на самом деле японский плер был густо заселен людьми, которые толковали сочинение поэта-географа так, как им казалось удобным и нужным.

²¹ Цит. по: Оомуро Микио, с.3 7, 39.

²² *Хара Хидэсиро*. Нихон-но фукэй // Тоа-но хикари. 1911, №9, с. 68.

Японские этюды Василия Верещагина. Последний год

С. В. Михайлова

Цель данной статьи – ввести в научный оборот записки известного русского художника – баталиста Василия Васильевича Верещагина о Японии. Заметки были опубликованы в петербургской газете «Биржевые ведомости» накануне и во время русско-японской войны и с тех пор ни разу не перепечатывались. Заметки Верещагина о Японии представляют страноведческую и историческую ценность, поскольку написаны перед самым началом русско-японской войны.

Ключевые слова: Верещагин, Русско-японская война, Розен, Николай Второй, Никко, Хиросе Такео, Русский музей.

Василий Васильевич Верещагин...

Стоит услышать его имя, как в памяти всплывает известная картина – «Апофеоз войны» (Третьяковская галерея, Москва). Работы этого художника хранятся не только в Третьяковской галерее, но и в Русском музее Петербурга, во всех крупных русских музеях и музеях бывшего СССР и даже в Букингемском дворце. Верещагин – самый известный русский художник-баталист. Широкой известностью пользовалась и его японская серия картин, которые он написал после поездки в Японию, пользуясь этюдами, сделанными в Японии. Малоизвестными остались и никогда не перепечатывались путевые заметки художника о Японии, которые публиковались в петербургской газете «Новости и биржевые ведомости».

Фрагменты заметок художника Верещагина о Японии, которые приводятся в этой статье, интересны, потому что показывают еще одну сторону натуры Верещагина – не художника, а журналиста, даже в некотором роде ученого-страноведа. Записки составлены по плану любых других книг «серьезных» европейских ученых-исследователей Японии. В них можно найти описание географии, флоры и фауны, железных дорог, обычаев, типажей женщин и детей, еды, гостиниц, архитектуры, образцов искусства и пр. В начале 1900-х годов подобные книги не были редкостью на прилавках магазинов Петербурга и Москвы. В основном это были переводные книги немецких и французских авторов.

Записки Верещагина остались незаконченными... После его гибели на русско-японской войне вдова их не издавала – они так и остались в форме газетной публикации.

Записки написаны обстоятельно, педантично, очень много внимания уделяется деталям (сразу же вспоминается картина художника «Двери Тамерлана», где двери так фотографически тщательно выписаны).